

Секция XV

КАВКАЗ: ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВ

*Руководители Карпов Ю.Ю., Кислова Г.И., Малашенко А.В.,
Цатуров В.Н.*

*Алиева В.Р., Назаров Р.Р.
Юнусова Д.М.
Ташкент*

*Белозуров А.Ю.
Владикавказ*

К ИСТОРИИ ДАГЕСТАНСКОЙ ДИАСПОРЫ УЗБЕКИСТАНА

Дагестанцы появились в регионе в составе войск Надир-шаха во время его похода в Бухару в середине XVIII в. Они также охотно принимались местными правителями – Хивинским и Кокандским ханами, Эмиром Бухарским – на военную службу. Гвардия эмира состояла целиком из кавказцев, носила кавказские национальные костюмы. В Бухаре был даже квартал «Лязгихо» («Лезгинь»), в котором проживали эмирские гвардейцы с семьями. По некоторым данным, хорезмский народный танец «лязги» также связан с лезгинами.

Дагестанцы в составе российских войск участвовали в Хивинском походе 1873 г. По иронии истории, им пришлось сражаться со своими земляками, служившими в гвардии хана Хивинского.

В дореволюционной Бухаре трудилась большая группа дагестанских ювелиров, создавшая свой неповторимый стиль, который местными мастерами так и называется – «кавказ». Заметными фигурами были лезгин Гаджиали Капаев, лакцы Абид Джанаев и Курбанмагомед Мурадов, даргинец Абакар Катаев.

Среди дагестанцев было много специалистов по работе с металлом – чеканщиков, медников, лудильщиков, кузнецов, литейщиков, оружейников. Немало было кожевников, скорняков, специалистов по производству бурок, папах. Много дагестанцев трудилось на строительстве Среднеазиатской железной дороги (в т.ч. будущий поэт Сулейман Стальский). Дагестанцы (особенно аварцы) составляли заметную часть мусульманского духовенства региона и приверженцев дервишского ордена Накшбанди.

Многие дагестанцы служили в российских войсках ТуркВО. Наиболее видной фигурой был генерал М.А.Алиханов-Аварский.

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Анализ сложившейся ситуации в развитии этнорегиональных образовательных систем Северного Кавказа позволил сделать вывод о том, что институционализация этнорегиональной основы развития современного образования потребовала своего философско-исторического и этнопсихологического осмысления. Углубляющаяся регионализация образования приобрела политический оттенок, так как в ней заключено до конца не осмысленное противоречие между универсальной общечеловеческой миссией образования и его неотъемлемой функцией механизма передачи этнокультурного наследия и сохранения национальной идентичности. Вместе с тем полагаю, что именно система образования, являющаяся определенным системообразующим фактором в рамках целостной наднациональной российской общности, должна выступать эффективным инструментом всей национальной политики России. Это, в свою очередь, требует определения государственной идеологии, которая призвана упорядочить систему гражданских ценностей, выступить пассионарной идеей, объединяющей общество на принципах общероссийского патриотизма. Кроме того, необходима продуманная, построенная с учетом общественных реалий концепция вариативного образования, учитывающая соотношение федерального и национально-регионального компонентов содержания образования. В этой связи принципы современной образовательной политики России должны включать следующие составляющие: создание условий для развития этнорегиональных образовательных систем Северного Кавказа с учетом их включенности в российское и мировое образовательное пространство; отражение в содержании образования федеральных и национально-региональных интересов; регулирование региональной образовательной политики в рамках сохранения единого поликультурного образовательного пространства России; разработка принципов обновления содержания общего и профессионального образования с учетом тенденций интеграции, гуманизации, гуманитаризации и вариативности.

*Боров А.Х.
Нальчик*

РОЛЬ ИСЛАМА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАБАРДЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Шариатское движение представляло собой нечто невиданное в истории Кабарды. Его можно рассматривать как признак кризиса феодализма в Кабарде и в то же время как средство его преодоления.

В 1807 г. утверждается «духовный суд» под названием «мехкеме». Усиление роли духовенства выразилось в том, что на народных собраниях разных уровней их мнение оказывалось более весомым, чем голос дворян. Родовые суды отошли на второй план, ведущую роль стали играть шариатские суды.

Шариатское движение было первым всплеском религиозного фундаментализма в истории Кабарды и стало основой преобразований всей социокультурной системы кабардинцев в соответствии с нормами шариата.

Роль духовенства в общественной жизни не ограничивалась только работой в суде. Шариатское движение охватило всё общество и сферу политической власти. Последний период независимости Кабарды (1807–1822 гг.) оценивается как время «духовного правления».

Однако шариатское движение и его социальная программа оказались не реализованными. Сильна оказалась традиционная сословно-классовая структура. Кабардинским аристократам не удалось добиться формального равенства прав князей и дворян. Шариатское движение в Кабарде не охватило всё крестьянство, оно не стало его социальной базой.

Говоря о результатах этого движения, нельзя забывать, что изменения в общественно-политическом и судебном устройстве происходили в условиях экономической блокады, эпидемии чумы и вторжения русских войск.

В 1822 г. Кабарда окончательно теряет политическую самостоятельность. Вместо мехкеме здесь утверждается Временный суд, после чего сословно-представительные собрания прекращают своё существование.

*Горошков Н.П.
Воронеж*

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СРЕДЕ ЗАКАВКАЗСКИХ МУСУЛЬМАНВ 80-е гг. XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ТЕРДЖИМАН»)

Важность проблемы формирования этнокультурной общности, консолидации на основе языкового единства, в частности, среди народов тюркской группы алтайской семьи (тюркизм, пантюркизм) не вызывает сомнения. Процесс этнической мобилизации тюркских («мусульманских»)

народов Российской империи начался, в 80-е гг. XIX в. Исключительная заслуга в этом направлении принадлежит Исмаилу Гаспринскому (1851–1914). Серьёзные исследователи его творчества не раз отмечали универсальный характер его позиции по отношению к тому пространству, в котором он был вынужден жить и трудиться.

Обращает на себя внимание, в частности, восприимчивость идей И. Гаспринского в Закавказье, что неоднократно констатировалось в издаваемом им в течение тридцати лет газете «Терджиман-Переводчик» (1883–1918). Неравнодушен и сам Исмаил-бей к событиям, связанным с «кавказскими мусульманами».

1. В педагогической деятельности обращало на себя внимание требование Исмаил-бея, признать за татарским языком прав гражданства в мусульманской школе.

2. Анализ традиционной системы мусульманского образования привел Исмаил-бея к весьма парадоксальным выводам. С одной стороны, начальные школы (мектебы) имелись при каждой общине. С другой, «картина представляет мрачное зрелище, как только обратим внимание на качество... сотен и тысяч мектебе». Вскоре, он ратовал за модернизацию мусульманских школ.

3. Подвижничество И. Гаспринского в деле улучшения школьного образования привело к появлению новометодной школы, а затем началась долгая борьба между его сторонниками, получившими название «джадидов» (по названиям «Усул и Джедид», т.е. «Новый метод»), применявшегося в школах нового образца и так называемых «кадимистов».

Просветительские по своей сути идеи И. Гаспринского, воспринятые в тюрко-татарских регионах России, в том числе и в Закавказье, стали сутью культурно-либерального пантюркизма, которому в XX в. была уготована не простая судьба.

*Дзуцев Х.В.
Владикавказ*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЧР В ПОСТКОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

В ходе двух военных кампаний разрушению и трансформации подверглись все сферы жизни чеченского общества. Так или иначе война коснулась каждой семьи, деформировав нравственные устои, политическую культуру и религиозные представления. Население Чечни продолжает страдать от постоянного травматического стресса, запугивания и дискредитации толерантной части населения со стороны вооруженных бандитских формирований. Эффективная реабилитация пострадавших возможно лишь на основе знания о социальных и социально-психологических последствиях произошедших событий.

При общей внешней угрозе люди стремятся к более тесным эмоциональным связям, чтобы не только справиться с тяжелыми переживаниями, но и оказать поддержку другим, в первую очередь детям, старикам и больным. В этих условиях человеческие привязанности и социальная поддержка являются основным средством защиты от чувства беспомощности перед масштабной деструктивной разрушающей силой.

Как показало проведенное исследование, в 65.4% случаях респонденты были травмированы непосредственно. Очевидно, что события, переживаемые участниками войны, выходят далеко за пределы жизненного опыта рядового гражданина. Исследование показало, что каждый второй респондент (56.4%) пребывает в состоянии перманентного стресса. Более половины опрошенных (58.2%) отрицают наличие посттравматической вины, каждый пятый (21.2%) имеет проблемы когнитивно-аффективного комплекса ответственности и страдает от чувства вины.

Две трети респондентов (68%) не отмечают каких-либо проблем в общении с внешним миром, но каждый пятый «тяжело вступает в контакт с незнакомым человеком». Все это проявление западной культуры, в которой социум сжат до размеров семьи и ближайших родственников, и нет даже понятия «фамилия». Отсюда и мизерный опыт эмоций и переживаний, неспособность увидеть реальность травмы, стремление избежать пострадавших, что влечет за собой ригидность в общении.

В депрессивном состоянии различной степени, во вторичном симптоме посттравматического стрессового расстройства находятся 45.5% респондентов. Для них характерна целостная поведенческая стратегия пассивно-оборонительного типа (дезадаптация с интрапсихической направленностью), а треть (32.2%) «затруднились с ответом». И только примерно каждый пятый отметил подобное состояние у себя как житейски «фоновое» в прошлом. Около половины респондентов (46.6%) находятся в состоянии постоянной тревожности, страдают посттравматическим стрессовым расстройством. В территориальном срезе самые неблагоприятные данные отмечаются среди жителей равнинных сел, которые наиболее пострадали от военных действий.

Полученные результаты убеждают в необходимости организации и проведения мониторинга эмоционально-психического самочувствия населения ЧР и разработки действенных мер по психотерапевтической реабилитации пострадавших.

*Дмитриев В.А.
Санкт-Петербург*

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СООБЩЕСТВА ЧЕРНОМОРСКИХ ШАПСУГОВ

Современное сообщество черноморских шапсугов является следствием сохранения традиционной социальной организации этноса в условиях измененной среды обитания. Существующие в настоящем селения были образованы в административном порядке и только отчасти наследуют установкам расселения прошлого. Признаки традиционной социальной организации прослеживаются внутри селения в наличии патронимных объединений. Отмечены три варианта пространственного выражения патронимии: в виде отдельных кварталов, взаимно совмещенных кварталов, семейных объединений относительно общего дома. С учетом последнего варианта сокращается число официально учтенных малых семей. Во внешнем пространстве патронимии отдельных селений объединяются в фамилии, принадлежность к которым является структурообразующим признаком шапсугского сообщества. В большинстве случаев фамилии связаны с определенными частями территории черноморских шапсугов.

*Ибрагимов М.-Р.А., Махачкала
Кимитак Мацузато, Саппоро*

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ

В сообщении исследуются проблемы конфессиональных отношений в постсоветском Дагестане: а) возрастание роли этничности и конфессионального фактора, обусловленное борьбой за власть в республике в условиях кризиса; б) внутренняя борьба мусульманских лидеров Дагестана за доминирование, возникшая в начале между тарикатистами-традиционалистами и последователями ваххабитской идеологии, а затем и внутри тарикатистов, которая привела к политизации и расколу исламского общества на группы.

1) Группа сторонников традиционного суфийского ислама, за которыми стоит шейх Саид-афанди Ацаев и его многочисленные ученики (преимущественно аварцы). Руководство Духовным управлением мусульман Дагестана (ДУМД) на официальном уровне проводит политику этого шейха.

2) Группа сторонников того же традиционного суфийского ислама, но оппозиционно настроенных к ДУМД (и к ваххабистам). Они менее политизированы и организационно разрозненны, делятся на аварскую, кумыкскую, даргинскую и табасарано-лезгинскую подгруппы.

3) Группа сторонников ваххабизма, которые вопреки их лозунгам о чистоте ислама представ-

ляют опасность для Дагестана с точки зрения политической стабильности и гражданского мира.

Государственные органы пытаются воздействовать на эти процессы путем борьбы против радикального ислама, поддержки ДУМД в идеологическом противоборстве с ваххабизмом, содействуя оппозиции ДУМД для ослабления его претензий на тотальный контроль над исламской ситуацией в Дагестане.

Для Дагестана целесообразно сохранение единства мусульман на основе местных традиций суфизма, при этом секуляризация политической и общественной жизни, судебной, общеобразовательной и др. систем должна быть безусловной и полной.

*Исаева Э.Г.
Махачкала*

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ

Проявления эмоциональной устойчивости многообразны, зависят от множества возрастных и социальных факторов. Само понятие следует рассматривать как дуалистический феномен, включающий позитивный и негативный аспекты. Только в условиях гуманистически ориентированного поликультурного сообщества внутриличностная эмоциональная устойчивость и ее социальное значение могут быть приведены в соответствие с общечеловеческими ценностями. Эмоциональная устойчивость сама по себе не характеризует ее социальную ценность, поскольку результаты деятельности человека могут иметь социально негативный характер в общественной жизни. Анализ эмоциональной неустойчивости позволяет признать возможность переноса подсознательного опыта на механизм совершения отдельных действий человеком и на движущие силы крайних проявлений социальной психопатологии – безумия массового уничтожения, геноцида, массовых катаклизмов времен войны и революций.

Механизмом преодоления эмоциональной неустойчивости является стратегия формирования внутриличностной эмоциональной устойчивости в поликультурном образовательном пространстве. Эмоциональная устойчивость – это способность человека выдерживать и преодолевать внутриличностную конфликтность и ее последствия. Она базируется на гармонии идеальной и реальной атрибуции, системе позитивных аттитудных отношений, обеспечивающих перспективу актуализации своей уникальности и личности. Внедрение в учебный процесс развивающих программ в соответствии с закономерностями формирования эмоциональной устойчивости является условием достижения эффективности преодоления

внутриличностной неустойчивости. Авторский образовательный проект «Гармония», включающий дополнительные учебные программы с 1 по 11 классы, направлен на поиски способа организации мультикультурного образовательного пространства (куклотехника, сказкотехника, арттехника, игротехника).

*Казалиева К.Н.
Санкт-Петербург*

СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Этническая идентичность как одна из форм социальной идентичности имеет основу в виде различных субъективно-психологических образований, предпочтений, солидарностей, культурных ценностей, которые в совокупности при межэтническом взаимодействии выступают в форме символов данной этничности. Символические составляющие этнической идентичности могут выступать как уникальные, неповторимые особенности определенной этнической группы, как часть этнокультуры полиэтнического региона и как часть мировой культуры. Основой «этнического символизма» (Н.Г.Скворцов) являются язык, религия, система родства, историческое прошлое, образ жизни, традиции и т.д.

Этническая идентичность каждой группы развивается как часть этнокультурного целого всего региона – пространства. И есть необходимость в сохранении и воспроизводстве каждой этнической идентичности, как есть смысл, к примеру, в важности каждого органа физического организма для его здорового существования.

Рассмотрим этническую идентичность ногайцев, воспроизводство которой происходит путем: 1) фиксирования отличительных особенностей культуры группы; 2) описания «этнического характера, ядра» ногайской этничности с позиции членов общности.

В первом случае речь идет об «этнических границах» (Ф.Барт), которые основываются на символических маркерах, (язык, фенотипические отличия, религия, историческое прошлое, традиции) выстраиваемых ногайцами в процессе взаимодействия с другими этническими общностями.

Во втором случае рассмотрим «этническое ядро» (С.Лурье) – «ногайлык» («ногайкость») – и его символические составляющие с позиции носителей ногайской этничности. Если этнические границы подвижны и способны меняться в зависимости от ситуации (при межэтническом контакте, социокультурных изменениях в обществе и т.д.), «этническое ядро» остается базовым, неизменным и представляет сущность, любой, в данном случае ногайской, этничности.

Исследование проводилось с помощью мето-

дов включенного наблюдения и полуструктурированного интервью.

*Караваев С.А.
Москва*

*Кацукова З.В.
Владикавказ*

ДИАСПОРНЫЕ ГРУППЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ
(№ 05-01-37 101 а/Ю)*

В этнической структуре Северного Кавказа в течение второй половины XIX в. формировались диаспорные группы армян, евреев, татар, грузин, поляков, немцев, греков, персов, азербайджанцев. Они были разными по численности, по социальному составу, по степени сохранности традиционной культуры, по уровню инкорпорации в хозяйство и общественно-культурную среду принимающего общества, по наличию диаспорных признаков.

Процесс формирования и развития диаспоры имеет определенные закономерности. К концу XIX в. указанные группы находились на разных стадиях этого процесса. Армяне, евреи, греки, грузины создали в своих общинах институты, обеспечивавшие условия для сохранения идентичности: религиозно-культурные учреждения, благотворительные и культурно-просветительские общества, национальные школы. Кроме своих непосредственных задач они выполняли функцию внутриэтнической консолидации и манифестировали диаспоральное поведение. Крепкие общины во всех районах Северного Кавказа создавали армяне. Они строили церкви, открывали учебные заведения, в том числе и женские, издательские общества, театральные и музыкальные кружки, благотворительные организации. Грузинские общины имели аналогичные институты, но их было меньше. Татары, немцы, поляки формировали институты внутриэтнической консолидации, но этот процесс протекал медленно и не был завершён к концу изучаемого периода.

К числу факторов, определяющих культурное развитие диаспоры, следует отнести достаточную для воспроизводства численность, компактность расселения, наличие материальных возможностей для возведения храмов, содержания школ и других институтов. Мощным диаспороформирующим фактором была религия, обеспечивающая корпоративность общины.

В развитых диаспорах к этому времени проявились антиобщинные тенденции: предпочтение русских школ национальным, участие интеллигенции в общекультурном процессе.

ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА И ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Краснодарский край и Грузия – два многонациональных региона, соседствующих друг с другом и требующих совместного анализа, т.к. многие межэтнические конфликты здесь переплетаются и являются общими. Особый интерес связан с подробным анализом этнодемографических и миграционных процессов на Западном Кавказе путем сопоставления между собой изменений, произошедших в этнической структуре населения Краснодарского края и Грузии.

Этническая структура Западного Кавказа с конца XVIII в. и по настоящее время претерпевала крупные изменения. По особенностям миграционного прироста, этнодемографическим процессам отдельных народов, а значит и по преобладающему направлению смены этнической структуры, можно выделить три этапа и подэтапы. Для анализа целесообразно все проживающие на территории Западного Кавказа народы разделить на три группы: коренные, славянской группы (в первую очередь русские и украинцы) и местные (народы, мигрировавшие с соседних территорий – армяне, греки и другие).

Этническая структура населения Западного Кавказа постоянно претерпевала изменения в сторону усиления полиэтничности почти на всей территории региона. Несмотря на эту общую тенденцию, этнодемографические и миграционные процессы имели особенности в разных частях региона и на разных этапах его истории.

В регионе растет число территорий с интенсивной сменой этнического состава. А эти территории называются, как правило, в числе этнопроблемных и конфликтогенных.

*Каракетов М.Д.
Москва*

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ О ЕДИНОМ САМОНАЗВАНИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Поднятая проблема проистекает из следующей теоретической установки: видение в этнониме – как самоидентифицирующей мировоззренческой «позиции» общности – только названия народа, а не его характеристики его же носителями, на наш взгляд, ведет к неполному освещению генезиса самоназвания народа.

Об этническом самосознании, вероятно, можно судить по тому обстоятельству, по которому мировоззрение человека ориентировано на фиксацию, признанию и, самое главное, саморефлексию – через признание своей «особости», чрез

характеристику специфики. В наибольшей степени такое самоопределение в среде народов отражается в отношении к имени – самоназванию (этнониму).

Исследование, пожалуй, будет более полным, если мы обратимся к характеристике этнического самоназвания самими его носителями. Отношение их к традиционному самоназванию вызывает больше положительных эмоций, чем к этнониму, который принят в официальной практике. Так обстоит дело с этнонимами *осетины, аварцы, балкарцы, чеченцы* и др., которые на современном этапе исторического развития частью их носителей осознаются (параллельно с традиционными этнонимами) этническими самоназваниями.

В данном случае функционирование этнонима можно проследить по уровню его восприятия (внутри этноса и вне его) – *я чеченец* (при общении с иными народами), *я нохчи* (при вопросе, кто ты в среде вайнахских народов), *я вайнах* (когда речь идет о нескольких народах и об истории народа). У современных балкарцев бытование этнического самоназвания, на первый взгляд, выглядит еще более запутанным. Он *балкарец* в официально-паспортном представлении своей национальности, он *таулу* при общении внутри общности, он *карачаевец* при переселении за пределы России и т.д.

Однако это вовсе не означает, что в столь хаотичном состоянии этнонима, например среди современных балкарцев, невозможно уловить общее этническое самоназвание не только среди всех их частей, но и с карачаевцами, которое в рудиментарном виде сохранилось в их памяти, нивелируя эти уровни – осознание себя.

Карнов Ю.Ю.
Санкт-Петербург

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ДАГЕСТАНЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА СТОЛЕТИЯ

За последних два столетия в Дагестане произошли важные изменения социокультурного порядка. В XX в. начавшийся ранее, но протекавший довольно вяло процесс «сползания горцев» привел к принципиальным изменениям этнодемографической ситуации в субрегионе. Это привело к обострению взаимоотношений «горцев» с жителями равнинных территорий, к трансформации бытовой культуры, однако даже в условиях «чересполосного» расселения не повлекло за собой «растворения» «этничности».

Существенные изменения «традиционных» параметров политического пространства привели к трансформации модели жизнедеятельности Дагестана как социокультурного сообщества. Места до середины XIX в. игравших ведущую роль политических и потестарных структур

(ханств, «вольных» обществ, несших в себе лишь элементы этничности) заняли «народы». В середине XX в. 14 коренных народов получили статус «титულных», тогда как более 10 малых народов были лишены статуса самостоятельных. При трансформации основ экономического и политического функционирования РД в рамках страны местным населением пространство Дагестана воспринимается как социально-политическая и этнокультурная целостность с собственными (во многом унаследованными из прошлого опыта) механизмами ее обеспечения, в первую очередь, через сбалансированность экономических, социальных и т.д. позиций сновных субъектов. По этой причине «лидирующие» роли одних титульных народов обостренно воспринимаются другими. Лишенные же статуса самостоятельных малые народы оказались вычеркнутыми из списка фигурантов подобной целостности, что, с точки зрения общности большинства из них, выглядит недопустимым в условиях сохранения их «народами»/«этносами» надлежащих социокультурных параметров.

Распределение сфер и зон политического влияния между основными «народами»/«этносами» лишь частично сняло обозначившийся в конце XX в. кризис дагестанской «государственности».

Керцева Г.Н.
Владикавказ

ВЛИЯНИЕ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАЦИЙ НА МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Северный Кавказ с начала 90-х гг. традиционно являлся привлекательным для мигрантов регионом. Наибольшая численность вынужденных мигрантов на 1 января 2005 г. фиксировалась в РСО-Алания, Краснодарском и Ставропольском краях. Большое количество мигрантов изменило соотношение этнических групп населения на Северном Кавказе. В Краснодарский край мигрировали русские, украинцы, армяне, грузины, азербайджанцы, абхазцы, турки-месхетинцы, курды и представители других кавказских народностей. В Ставропольский край стали прибывать русские (80 %), армяне, азербайджанцы, греки, татары. Эмигрируют из края немцы, евреи, даргинцы, чеченцы. В Северной Осетии происходит миграционный прирост осетин, армян, у остальных этносов имел место миграционный отток. Мигранты покрывают отрицательное сальдо общего прироста населения в ряде республик Северного Кавказа.

В 2002–2004 гг. в республиках Северного Кавказа проводились социологические опросы на тему «Толерантность во внутрисемейных, межэтнических и межконфессиональных отношениях»,

в 2004 г. – «Адаптация и реабилитация беженцев и вынужденных переселенцев». Опросы показали, что конкуренция на рынке труда, неразвитая инфраструктура, высокая мобильность мигрантов и их адаптация в рыночных условиях, инोकультурная и особенно иноконфессиональная принадлежность вынужденных мигрантов вызывает негативную реакцию у части местного населения. В целом межэтническая и межконфессиональная ситуация на Северном Кавказе большинством респондентов оценивалась как негативная.

*Кислова Г.
Махачкала*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Гетерогенность антропогенной среды, мультикультурность социума Северного Кавказа, и особенно Дагестана, являют феномен естественной социокультурной лаборатории испытанного веками межэтнического взаимодействия народов.

Трансформации российского общества в постсоветский период, вызванные экономическими и политическими преобразованиями в стране, обусловили крах старых идеологических идей, духовно-нравственных ценностей и деформации образовательных парадигм с традиционными этнокультурными схемами поведения и воспитания молодежи.

Неопределенность интеграционных процессов в перспективах глобализации сфер производства и жизнедеятельности народов Кавказа и одновременное резкое возрастание этнического самосознания отдельных малых этносов привели к значительному повышению напряженности межличностных и межэтнических и межкультурных отношений в данном регионе.

Феномены культуры мира в связи с этим, выдвигаемые в начале XXI в. как основополагающие принципы развития личности в поликультурной среде, требуют углубленного эмпирического исследования и теоретических обобщений.

Поликультурное образование содержит в себе мощный потенциал возможностей преодоления негативных деформаций и способствует улучшению межэтнических отношений и развитию позитивной этнической идентичности личности, являющейся ядром национального самосознания народа.

Межкультурные молодежные фестивали культуры, искусства, науки представляют собой реальный фактор создания единого образовательного пространства Северного Кавказа и России и реализацию принципа поликультурности в мировое образовательное пространство.

*Колесов В.И.
Краснодар*

ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОРСКИХ ГРЕКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Горские греки (самоназвание «урым») – этноконфессиональная адыгоязычная общность. Этническая история горских греков в XIX–XX вв.:

1) пересечение границы по реке Кубань и актуализация этнической идентичности;

2) поселение в Гривенском Черкеском ауле (территория Черноморского казачьего войска), где сохраняется привычный для Закубанья паритет – греки проживают вместе с черкесогаями и адыгами из разных «племен»;

3) в 1848 г. христиан (армян и греков) отселяют в ст. Переясловскую – временный «разрыв» симбиоза «адыгоязычные христиане – адыгоязычные мусульмане»;

4) в 1860-е гг. армяне и греки переселяются в Армавир, в котором совместное проживание вроде бы заканчивается, греки требуют отделения их в самостоятельный населенный пункт, который и был основан в 1866 г. (селение Греческое), где соединяются три группы горских греков – «гривенская», «армавирская», «эдипсукаевская»;

5) Греческое просуществовало недолго, горские греки покидают его, часть уходит в с. Мерчанское к понтийским грекам – их потомки ассимилировались;

6) другая часть вселяется с 1872 г. в аул Бжедуховский, образованный в 1871 г., где восстанавливается триединая «этническая» структура – адыги проживают вместе с черкесогаями и горскими греками (статус «коренное население»);

7) 1920-е гг. – «эллинизация», появление школьных классов с преподаванием греческого (эллинского) языка, одновременно из «коренных» становятся «национальным меньшинством»;

8) конец 1930 – 1940-е гг. – репрессии против греческого населения Кавказа, практически незатронувшие горских греков (арестованы были несколько «лидеров»), кризис идентичности – «превращение» в русских и адыгейцев;

9) 1990-е гг. – этническое возрождение практически не коснулось горских греков. Незначительная «эллинизация» («понтизация»), этническая общность на грани исчезновения.

*Кульбачевская О.В.
Москва*

ТРЕТИЙ СЕКТОР В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК ЗЕРКАЛО ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОСТРОЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Объем и характер деятельности неправительственных организаций (НПО), работающих на Северном Кавказе, могут служить индикатором

первостепенных нужд и задач, стоящих перед населением той или иной республики, а также косвенно характеризовать сложившуюся в них общественно-политическую ситуацию.

Анализ деятельности НПО в республиках Северного Кавказа выявляет региональную специфику.

Потенциал неправительственного сектора в Чечне, Северной Осетии и Дагестане достаточно велик. Для Чечни характерен наибольший объем чрезвычайной гуманитарной помощи и масштабное присутствие международного гуманитарного сообщества. Также высока и активность местных НПО, деятельность которых направлена на восстановление, развитие, миротворчество и защиту прав человека. Кроме того, республиканские власти идут навстречу НПО.

В Северной Осетии деятельность НПО в основном направлена на развитие и миротворчество, что отвечает наиболее актуальным требованиям сложившейся в республике ситуации. Однако охват целевых групп невелик, кроме того, ряд факторов (в первую очередь обострение межэтнических отношений) снижает или сводит на нет эффективность работы общественных организаций.

Дагестан, несмотря на отсутствие поддержки со стороны международного сообщества и республиканских властей, отличается наличием некоторого числа активных местных организаций, деятельность которых направлена на решение наиболее острых для республики проблем. НПО используют традиционные формы миротворчества народов Северного Кавказа, ведут многоплановую работу с женщинами из горных селений, направленную на снижение уровня распространения ваххабизма.

Для Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии актуальным является развитие и активизация деятельности неправительственного сектора.

*Лебедева Н.М., Татарко А.Н.
Москва*

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, СТАТУС ГРУППЫ И ТИП РАССЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОРЫ МЕЖГРУППОВОЙ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ
(№ 04-06-00155а)*

В докладе рассматривается взаимосвязь «внутренних» (социально-психологических) и «внешних» (непсихологических) факторов с этнической интолерантностью (на примере Южного федерального округа). Цель исследования – выяснить, как взаимосвязь социально-психологических факторов (валентность, определенность этнической идентичности, уровень воспринима-

емой дискриминации и уровень религиозности) и межэтнических установок опосредована влиянием таких внешних факторов, как статус этнической группы (большинство–меньшинство) и тип расселения (компактный–дисперсный).

В исследовании приняли участие представители 13 этнических групп Южного федерального округа (723 респондента). Выявлено, что взаимосвязь социально-психологических факторов и межэтнических установок в значительной степени зависит от статуса этнической группы и типа расселения. Интолерантность межгрупповых установок этнического большинства связана с восприимчивой дискриминацией, а меньшинств – с характеристиками их этнической идентичности (негативной валентностью и неопределенностью). При компактном расселении интолерантность межгрупповых установок инокультурных мигрантов связана с неопределенностью их этнической идентичности и высоким уровнем религиозности, при дисперсном – с позитивной валентностью этнической идентичности и восприимчивой дискриминацией.

*Магомедова Н.Г.
Махачкала*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИЙ И ЦЕННОСТЕЙ ВОСПИТАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СЕМЕЙНОМ СОЦИУМЕ

Процесс трансформации, происходящий в нашем многонациональном социуме, накладывает отпечаток на проблемы семейного воспитания.

Преобразование мира ценностей семейного социума ведет к смене парадигм воспитания, оно объективно предопределяет разрушение формализованных стереотипов систем воспитания, регламентирующих все проявления индивидуальной самобытности (Т.Н.Мальковская).

Проведенное нами анкетирование в Республике Дагестан подтвердило этот факт. Трансформация современного дагестанского общества привела к переоценке ценностей и новой иерархии нравственных и личностных качеств, присущих современной дагестанской молодежи 1990 гг. – начала XXI в.

Сравнивая данные, мы видим, что уважение локализовалось на членах семьи (на матери и сестре), в этом прослеживается признание роли женщины в XXI в.; возрождается этническое самосознание, происходит обращение к народным трудовым традициям. Чувства и нравственные качества – долг, благородность, порядочность – трансформировались в повышенную эмоциональную раскрепощенность (горячность, агрессивность, мстительность), что можно признать негативной тенденцией. В прошлом остались такие социальные качества, как милосердие, благотворительность, взаимоподдержка, уступившие

место энергичности и предприимчивости современного делового человека.

Таким образом, существующая тенденция подтверждает, что неблагополучие семьи усиливает неблагополучие социума, имеется здесь и обратная связь. Отсюда следует, что значение семьи, ее ценностей и традиций воспитания в современном социуме трудно переоценить, поскольку от ее нормального существования зависят воспроизводство общества, воспитание и содержание детей, организация быта и личности граждан, преемственность поколений.

*Магомедханов М.М.
Махачкала*

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Дагестанцы отвергают сепаратизм, ваххабизм или иные экстремистские движения, идеи и способы удовлетворения этнических интересов. Суть противоположных оценок сводится к тому, что Дагестан – это самый исламизированный и опасный для безопасности России регион, в котором правовые, общественные, хозяйственные и др. вопросы якобы регулируются не светскими структурами власти, а «мусульманскими общинами» и «этноклановыми» группировками.

Создается впечатление, что политическая и информационная «авансцена» России приемлет только ложный, неадекватный реальной динамике социальных и конфессиональных процессов образ Дагестана, образ общества, в котором нет ни врачей, ни учителей, ни милиции, ни певцов, а есть только одни «исламские радикалы», «ваххабиты» и коррумпированная этноклановая камарилья.

Дагестан – это светская республика. Закрепленные в Конституции республики базовые параметры «светскости», равно как и социальная структура, образовательный и культурный уровень Дагестана вполне сопоставимы с социально продвинутыми регионами России.

Современное дагестанское сообщество народов структурировано на гражданских (М.А.Аглавов), а не на родовых (М.М.Ковалевский), тухумных (М.О.Косвен), родо-племенных (А.Г.Агаев), этноклановых или религиозно-общинных началах. Употребление терминов «православная община», «еврейская община», «мусульманская община» представляется корректным в контексте духовной общности по признаку конфессиональной идентичности, но не в качестве характеристики социальной структуры.

*Маремшаова И.И.
Нальчик*

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ДИАСПОРНЫХ ГРУПП В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Современная Кабардино-Балкария характеризуется мозаичностью этнического состава населения. Если до XVI в. на ее территории проживали преимущественно коренные местные жители, а также волнообразно «накачивали» различные кочевые тюркоязычные племена, оставлявшие значительный след на карте и в этнокультурном облике, то начиная с XVII в. процесс заселения приобрел новые формы. Главным явлением этого времени стало формирование русского населения в регионе.

В XIX в. начался процесс формирования армянской, греческой, немецкой, грузинской, татарской и других диаспорных групп. XX в. был отмечен новыми этническими изменениями. В этот период значительно пострадала немецкая диаспора, которая была восстановлена лишь в 50-е гг. В этот же период в Кабардино-Балкарии начинает складываться корейская диаспора и диаспора турок-месхетинцев. Динамичность сложения многонационального состава в XIX–XX вв. характерна для всего Северного Кавказа. В ходе взаимодействия и взаимовлияния имели место различные варианты эволюции и трансформации этнических культур.

По масштабности перемен особое внимание заслуживает конец XX в. Этот период стал для диаспор Кабардино-Балкарии временем распада, раскола, а в отдельных случаях и исхода. Наряду с этим процессом в 90-е гг. отмечается формирование новой, значительной по масштабу чеченской диаспоры.

Таким образом, следует отметить, что этническая карта Кабардино-Балкарии на сегодняшний день находится в движении, что представляет собой предмет изучения и ставит ряд задач и проблем, как с позиций науки, так и с позиций общественной практики.

*Мицц С.С.
Краснодар*

КУБАНОВЕДЕНИЕ: РЕГИОНАЛИСТИКА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ТИСКАХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТАТИЗМА

Кубановедению, как и другим этнически ориентированным историям народов Северного Кавказа, с 1990-х гг. предписывается доказывать бесконфликтность досоветской региональной истории. В докладе будет показано, что масса литературы, издаваемой на Кубани, отражает черты, свойственные другим этнически ориентированным историям Северного Кавказа. Методологически эта литература возвращается к уровню ис-

торических изысканий с раннеклассической целевой установкой на региональный этатизм и раннеромантическим дискурсом. Учебный процесс, построенный на ее обязательном и приоритетном изучении, пока существенно препятствует формированию поликультурного пространства и общегосударственной гражданской идентичности в регионе.

**Муратова Е.Г.
Нальчик**

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЫЗОВЫ АРХАИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.)

В докладе предполагается рассмотреть, как политическая либерализация рубежа 1980–1990-х гг., ориентированная на стандарты западной демократии, парадоксальным образом принесла народам Северного Кавказа ренессанс традиционных общественных институтов после многих десятилетий забвения и «советизации».

В Кабардино-Балкарии поиски путей становления демократии осуществлялись на основе возрождения традиционных основ функционирования общества: восстановления горских обычаев, использования влияния религиозных деятелей и старейших представителей крупных родов и т.п. Со второй половины 1990-х гг. достаточно широко распространенным явлением общественной жизни республики стало организационное оформление родовых содружеств самых многочисленных кабардинских и балкарских фамилий. Однако возрожденные на традиционной основе они многое заимствовали из практики современных демократических процедур и активно участвовали в общественно-политической жизни республики.

В постсоветский период возникло и активно действовало множество национальных общественно-политических организаций. Подавляющее большинство из них демонстрировало свою укорененность в национальной исторической традиции и как будто воспроизводило в современных условиях социальные институты прошлого. Но реальный социально-политический контекст, а также социоструктурные и социокультурные характеристики всего гражданского сообщества Кабардино-Балкарии и отдельных этносоциальных общностей кардинально изменились к концу XX в. по сравнению с традиционной эпохой. Это обстоятельство во многом предопределило эволюцию и конечную судьбу большинства традиционалистски ориентированных организаций и движений.

**Муртузалиев С.И.
Махачкала**

ЭВОЛЮЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДАГЕСТАНА (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 2005 Г.)

Новая общественно-политическая ситуация, изменение места и роли религии в жизни новой России, открытие конфессиональных учебных заведений разного уровня требуют специального изучения истории религиозного образования, причем не только исламского, получившего в Дагестане бурное развитие, но христианского (разных толков и течений), и иудейского, которые до сих пор оставались вне поля зрения исследователей.

В такой поликонфессиональной и многонациональной республике как Дагестан – «мир в миниатюре» – изучение истории сосуществования разных конфессиональных систем образования призвано способствовать сбалансированному решению проблем их взаимодействия в XXI в.

Для изучения различных аспектов данной проблемы предлагается выделить семь этапов: 1) традиционное воспитание в древности; 2) период религиозно-государственной мозаичности и синкретизма (IV–X вв.); 3) распространение исламской образовательной традиции (X–XV вв.); 4) господство арабо-мусульманской системы (XV – середина XIX вв.); 5) эпоха сосуществования различных систем образования – исламской, христианской, еврейской, джадидизской и русской (1850-е гг. – начало 20-х гг. XX в.); 6) ликвидация религиозных школ в СССР; 7) ренессанс конфессионального образования в Дагестане (1990-е – 2005 гг.).

**Пазова Л.Л.
Владикавказ**

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РСО-А

Всплеск этнократических настроений на территории распавшегося СССР, вызванный как сложными процессами становления новой государственности, так и результатами прежней национальной политики, не миновал и высшую школу Северной Осетии. Сегодня 37 % студентов (общая выборка 350 человек) считают, что в новом российском паспорте надо было оставить графу «национальность»; нет необходимости – 47 %; все равно – 16 %.

Для 24 % студентов важную роль при выборе места жительства играет национальность соседей. Это означает, что данная группа негативно относится к проживанию рядом с ними представителей других этнических групп. Каждый второй студент – противник вступления в брак родственников с представителями других националь-

ностей, а более 80 % студентов считают неприемлемым собственный брак с представителем другой национальности.

Так, девушки-осетинки, отвечая на вопрос о решении вступить в брак с представителями других национальностей, считают, что их родственники должны выходить замуж и жениться только на представителях своей национальности, но, говоря о своем замужестве, предполагают, что в этом вопросе главное – это чувства к своему избраннику. Русские девушки проявили готовность вступить в брак с представителями титульной национальности. Юноши настроены более «националистически» и считают, что осетины – это слишком маленький народ, чтобы позволить себе межнациональные браки.

Большинство студентов (62 %) видит главную причину национальных конфликтов в неправильной национальной политике, проводимой как федеральным центром, так и местных политиками.

*Петров В.Н.
Краснодар*

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ КАК ФАКТОРЫ МИГРАНТОФОБИИ

Этнические миграции в современной России вместе с позитивными следствиями создают и явные латентные напряженности в принимающих обществах. Напряженность и противоречия в этой области рассматриваются как своеобразные следствия межэтнического дистанцирования и оппозиций, вызванных различиями в институциональном порядке и социальной организации взаимодействующих этносов, наличием интолерантности в ментальных основаниях культуры, неприятием и отвержением иноэтничности на уровне установок и стереотипов. В свою очередь, это вызывает появление и распространение достаточно тревожных и опасных для российской действительности социальных явлений: негативного этноцентризма, нетерпимости к иной вере, межэтнических конфликтов, этнически направленных ксенофобии и мигрантофобии.

Этническая мигрантофобия – социальный и социально-психологический феномен. Она представляет собой комплекс более или менее устойчивых семантических конструкций в сознании местных жителей, формирующихся под влиянием установок и этнических стереотипов, имеющих реальную и мифологическую природу, влияющих на восприятие этнических мигрантов местным населением и формирующих негативное отношение к ним как носителям угрозы социальной безопасности.

Эмпирическое исследование уровня межэтнической дистанции в восприятии этнических мигрантов местным полиэтничным населением в

Краснодарском крае позволяет утверждать, что расположение этносов на шкале социальных предпочтений зависит от степени поляризации стереотипизированных представлений друг о друге. Комплекс определений этнических мигрантов местными жителями и особенно их отдельных групп включает совокупность аффективных и рационализированных фобий, порожденных распространенными страхами по поводу состоявшихся и возможных ущемлений их прав как хозяев на данной территории.

*Прасолов Д.Н.
Нальчик*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАБАРДИНСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)

В докладе рассматриваются основные фазы включения кабардинского этнического социума в социально-политическую систему России в XIX в. В рамках авторской периодизации представлена краткая характеристика экономических, политических, правовых и идеологических особенностей этого процесса. На примере Кабарды отмечается трансформация правительственной политики и в её рамках изменение статуса кабардинцев в социально-политическом пространстве формирующейся северокавказской провинции Российской империи.

До 1822 г. в Кабарде сохранялась традиционная политическая и правовая система, формально подчинённая царскому военному командованию. Фактические методы интеграции ограничивались главным образом военными экзекуциями и экономической блокадой.

На втором этапе (1822–1860 гг.) с учреждением Кабардинского временного суда политический суверенитет ликвидируется, начинаются преобразования судебных и административных порядков, усиливается контроль над религиозной жизнью и поземельными отношениями.

Для третьего этапа (1860–1917 гг.) характерны глубокие преобразования поземельного, сословного, административного и судебного устройства традиционного кабардинского общества, которые привели к его относительной унификации с общероссийским. При этом сохранялись элементы традиционного соционормативного и идеологического регулирования общественного быта и действовал ряд дискриминационных факторов в экономических отношениях, правовом и административном положении кабардинцев.

Противоречивость интеграционных процессов нарастает в годы революции 1905–1907 гг. и Первой мировой войны. На фоне ужесточения административно-политического режима происходит определенное оживление общественной

жизни, интенсификация экономической деятельности, а также отмечают признаки социокультурной интеграции кабардинцев в российское мусульманское сообщество.

*Ракачев Д.Н.
Краснодар*

НЕМЦЫ НА КУБАНИ: ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

*Доклад подготовлен при поддержке РГНФ
(№ 04-01-38006 а/Ю)*

Неотъемлемым элементом полиэтничного населения Кубани вот уже на протяжении полутора столетий является немецкая этническая общность. Активное переселение немцев сюда происходит со второй половины XIX в., когда российские власти поставили перед ними задачу развития на землях Юга России традиционных немецких промыслов: животноводства, пивоварения и др.

В 1852 г. в Ейском округе из состава казачьих земель было выделено два участка, на которых немцами – переселенцами из Бессарабии были основаны колонии Михельсталь и Александерфельд. На территорию Кубани переселяются также группы немцев из Саратовской губернии и подданные германоязычных государств.

Число немецких колонистов неуклонно росло: на 1871 г. – 1913 чел., 1878 г. – 4520 чел., 1884 г. – 10142 чел.

В 1928 г. на территории Армавирского округа создается немецкий национальный район, получивший название Ванновского. На его территории открывались национальные школы и клубы, делопроизводство переходило на национальный язык.

Однако в связи с началом Великой Отечественной войны немцы были обвинены в измене и выселены с территории Кубани. Выселению подлежали 34287 чел. (фактически все немецкое население края, так как по переписи 1937 г. здесь проживало 34,3 тыс. немцев).

Массовое возвращение немцев на Кубань после реабилитации приходится на 1960–1970-е гг. С 1959 г. по 1970 г. их численность здесь увеличивается на 266%, с 1970 по 1979 гг. – на 38,3%, а к 1989 г. составила 29946 чел.

Массовый исход немцев начинается в 1990-е гг. С 1989 по 2000 гг. число немцев в крае сократилось на 48,2% и составило 16359 чел. В последующие годы тенденция к сокращению немецкого населения в крае сохраняется.

*Роцин М.
Москва*

ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРООСЕТИНСКОГО ИСЛАМА

О мусульманах Северной Осетии за ее пределами известно немного. Однако, по оценкам специалистов, примерно 20 % населения республики является мусульманским. Центральная мечеть Владикавказа (столицы Северной Осетии) была построена в начале XX в. Средства на строительство дал азербайджанский нефтяной магнат Мухтаров, женатый на осетинке Тугановой. Мечеть была построена в египетском стиле. По своей архитектуре она не имеет аналогов на Северном Кавказе.

Во время религиозного подъема, наступившего после распада СССР, тысячи молодых людей в Северной Осетии стали активно исповедовать ислам, причем преимущественно в форме «ваххабизма». Сторонники умеренного фундаментализма в Северной Осетии создали в последние годы свое неформальное объединение верующих «Джамаат», параллельное официальному муфтияту, которое возглавляет Ермак Тегаев, являющийся его амиром. В состав «Джамаата», по словам его вице-амира и имама Центральной мечети Владикавказа Сулеймана Мамиева, входят также мусульманские общины Беслана и Эльхотово. Осетинский «Джамаат» тесно сотрудничает с «Джамаатом» Кабардино-Балкарии, возглавляемым популярным среди местной молодежи имамом Мусой Мукожевым. В общине Владикавказа около 500 человек. Сейчас большинство из них – осетины. До трагедии в Беслане было много чеченских и ингушских студентов, но после бесланских событий их отчислили из вузов и вынудили покинуть Владикавказ.

Известно, что один из боевиков, участвовавших в захвате школы в Беслане (Владимир Ходов), был жителем осетинского села Эльхотово. Он был русским по национальности, но, закончив медресе, примкнул к так называемым ваххабитам, как принято именовать сторонников мусульманского фундаментализма на Северном Кавказе, позднее стал поваром в чеченском отряде Руслана Гелаева.

*Самтиев И.М.
Назрань*

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Этнокультурная коммуникация на Северном Кавказе есть интерференция культурного взаимодействия этносов, экспансии массовой культуры и фундаментализма. Характер этнокультурных коммуникаций можно оценить по их инструментальной и экспрессивной составляющей и ценно-

стно-смысловой рефлексии этносов на культурное воздействие. Этнокультуры выступают чаще как объекты воздействия по причине недоступности каналов коммуникаций и несопоставимости масштабов культурных потоков.

Глобализация в регионе порождает внутрикультурные конфликты: этнокультуры мобилизуют защитные механизмы, эти стратегии могут быть деструктивны для этносов, так как усиливается замещающая идентичность, например конфессиональная, формируя среду для религиозно-го фундаментализма.

Культурная политика формирует системные условия межкультурного взаимодействия. Нарушение коммуникативно-культурного баланса, противоречие базовым ценностям кавказских народов вызывает культурную напряженность и эксплицируется на социально-политическую сферу.

Современная система этнокультурных коммуникаций на Северном Кавказе отличается неразвитостью принципов плюрализма и субсидиарности, создает базисные условия для этнополитической напряженности, что требует оптимизации культурной политики.

Сызранов А.В.
Астрахань

ВАХХАБИТЫ АСТРАХАНИ

Начало проникновения так называемых «ваххабитов» в Астрахань связано с событиями 1990 г. 9 июня этого года в Астрахани состоялась подпольная всесоюзная учредительная конференция, на которой была создана Исламская партия возрождения «Нахдат» (*ан-нахдат* – возрождение, араб.). На этой конференции присутствовали несколько десятков исламских фундаменталистов из Дагестана, Среднего Поволжья, Москвы и Таджикистана. Руководителем (*амиром*) партии стал Ахмад-кади Ахтаев – аварец родом из дагестанского селения Кудали, лидер умеренного крыла дагестанских ваххабитов (ум. в 1998 г.). В программе партии была установка на возрождение ислама, построение исламского государства, создание своей фракции в Верховном Совете СССР. Однако идеи данной организации не встретили массовой поддержки астраханских мусульман.

В 1990-е гг. в Астрахани возникла община ваххабитов-муминов (от араб. *иман* – вера), существующая и по сей день. Община (*джамаат*) муминов имеет замкнутый характер, в неё входит около 60–70 человек, в основном приезжих аварцев и даргинцев, хотя есть и местные татары. Мумины придерживаются строгого единобожия (араб. *таухид*), проповедуют «чистый» ислам, выступают против культа святых, шиизма и суфизма. Лидером астраханских ваххабитов до недавнего времени был аварец Аюб Омаров из дагестанского

селения Кваната. Род занятий большинства ваххабитов ограничивается частным предпринимательством (в основном это торговля на рынках Астрахани). Община муминов находится под постоянным контролем силовых структур региона.

В настоящее время экстремистские идеи ваххабизма начинают распространяться среди татарской и казахской молодёжи Астраханской области. Это явление осложняет сложившуюся конфессиональную ситуацию в регионе и отрицательно сказывается на единстве нижевожских мусульман, большая часть которых является приверженцами традиционного ислама.

Туаева Б.В.
Владикавказ

ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ПОЛИЭТНИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ
(№ 05-01-37 100 а/Ю).*

Городское пространство Северного Кавказа второй половины XIX – начала XX вв. отличалось полиэтничностью, поликонфессиональностью, активным взаимодействием и взаимовлиянием различных культурных традиций. Капиталистическое развитие и урбанизационные процессы привели к модернизации общественно-культурной среды, активной составляющей которой была деятельность добровольных общественных организаций. Активно функционировали многочисленные добровольные общества с культурной, конфессиональной, социальной направленностью в Кизляре, Моздоке, Ставрополе, Владикавказе, Майкопе, Грозном, Нальчике, Кисловодске, Екатеринодаре, Пятигорске, Георгиевске, Ейске.

Поликонфессиональность городов Северного Кавказа требовала особого подхода и в решении вопросов народного образования. Абсолютное большинство учащихся на Кавказе было представлено православными, затем армяно-григорианами и магометанами, в меньшем количестве были учащиеся-католики, иудеи и др. Мощным фактором развития образования в православных районах была миссионерско-просветительская деятельность православного духовенства, которое оказывало действительную помощь в строительстве школ, материально поддерживало учащихся и формировало местную интеллигенцию. Усилиями мусульманской городской общественности были созданы благотворительные общества: владикавказские мусульманское «Муруват» и Общество вспомоществования недостаточным студентам-ингушам, ставропольское мусульманское и кизлярское мусульманское общества, способствовавшие открытию светских магометанских школ и поддержке учащихся.

Наряду с православными, мусульманскими школами и благотворительными обществами, су-

ществовали и иудейские, армяно-григорианские, римско-католические и евангелическо-лютеранские образовательные учреждения, открытые при содействии ставропольского Римско-католического общества пособия бедным и Дамского общества помощи бедным евреям, кизлярского еврейского благотворительного товарищества «Хаето», владикавказского общества «Химмат» пособия бедным персидско-подданным и др.

*Тхамокова И.Х.
Нальчик*

УКРАИНЦЫ В СОСТАВЕ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА (ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ)

На последнем этапе формирования терского казачества в 20–60-е гг. XIX в. в его ряды были зачислены тысячи украинских крестьян и «малороссийских казаков». В нескольких станицах они составляли большинство, в других – более или менее значительную часть населения. К началу XX в. в результате этноконсолидационных процессов у них выработались общие с другими группами терского казачества формы хозяйства и материальной культуры. Однако их язык, фольклор, многие обычаи изменялись значительно медленнее.

В ходе переписи населения 1926 г. на территории бывшего Терского казачьего войска 243,8 тыс. человек назвали себя казаками. Из них 60,8 тыс. (25 %) считали себя украинцами и у 28,3 тыс. родным языком был украинский. Более половины тех, кто относил себя к украинцам, родным языком считали русский. Это свидетельствует о далеко зашедших процессах аккультурации. Однако ассимиляция украинцев к этому времени не была завершена. Значительная часть терских казаков не только осознавала себя украинцами, но и считала родным языком украинский. В 30-е гг. XX в. после отмены «украинизации» все потомки украинских переселенцев в составе как кубанского, так и терского казачества были объявлены русскими. Это было чисто административное решение, основанное не на учете языка, культуры или этнического самосознания этих групп населения. В ряде терских станиц украинский язык сохранялся еще в середине XX в., а его влияние заметно и в современных терских говорах. В настоящее время некоторые из казаков помнят об украинском происхождении своих предков, хотя считают себя русскими.

*Федосова Е.В.
Владикавказ*

ЛИЦА «КАВКАЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ» В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проблема межэтнических взаимоотношений в России, к сожалению, до сих пор рассматривается через этническое прочтение нации, харак-

терное для советской научной традиции. Поэтому «лица кавказской национальности», как и представители иных не славянских этнических групп, выступают не как носители российской национальности, которые обладают теми же правами и обязанностями, что и русские, а как нежелательные мигранты близлежащих государств. Подобная политика не способствует оптимизации межэтнических отношений в национальных российских регионах.

При общем ухудшении социально-экономической ситуации в Северной Осетии конца XX века ощущения «оскорбленности» и «униженности» вне границ своей республики оказывают значительное влияние на современные векторы межэтнического взаимодействия в РСО-А.

Для кавказцев, и для осетин в частности, одним из главных моментов их социальной состоятельности является возможность состояться вне пределов своего этнического окружения (желательно в Москве). В русской среде кавказец обретает большую меру личной свободы от своего этнического сообщества. Эта свобода есть свобода выбора – какой именно может быть этническая культура в ее личностной интерпретации.

Если мы хотим в межэтнических взаимодействиях исходить из модели «нация граждан», то необходимо учитывать тот факт, что гражданство основывается на политической практике граждан, которые осуществляют свои основные гражданские права. Предпосылкой гражданства ни коим образом не являются этнокультурные общности, политическое общество может только тогда существовать, когда опирается на политическую культуру гражданского общества.

*Хопёрская Л.Л.
Ростов-на-Дону*

МОЖНО ЛИ РАЗРЕШИТЬ КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ?

В мае-июне 2004 г. проведена экспедиция в полиэтничные сельские районы Ростовской области, в которых на протяжении 90-х гг. происходили конфликты мигрантов и старожильческого населения (Мартыновский, Заветинский, Песчанокоспский и др.).

В результате обработки собранных в экспедиции материалов была проведена реконструкция локальных конфликтов, которая показывает, что степень гражданской консолидации населения и уровень социально-политической стабильности в конкретном районе зависит от типа идентичности групп, входящих в его социальную структуру.

Идентичность социальных групп, имеющих длительный опыт совместного сосуществования, например, русские (казаки) и армяне в Ростовской области проживают совместно уже более 225 лет, можно назвать «открытой». Она создает конструктивную основу для преобладания консоли-

дационных процессов над процессами дифференциации.

Идентичность старожильческого населения (русских, особенно идентифицирующих себя с казачеством) основана на приоритете чувства «хозяев территории», которое объясняет их претензии на особый правовой статус, включающий право на выселение граждан других национальностей или существенное ограничение их экономических и политических прав на территориях сельских районов.

Идентичность мигрантов, большая часть которых является беженцами или вынужденными переселенцами, основана на потребности в воссоздании привычной и психологически комфортной обстановки в новых местах поселения, т.е. в сохранении (воссоздании) структуры родовых внутриаэтнических связей, системы ценностей, включающей протекционизм, в целом образа жизни, существенно отличающегося от образа жизни старожильческого населения.

В обоих случаях конфликтующие группы ориентированы на ретроспективные ценности, на выстраивание социокультурных, экономических и правовых механизмов охранительной самобытности, что предопределяет функционирование «закрытого» типа идентичности. В свою очередь она является конфликтогенным фактором, обуславливающим межгрупповую дифференциацию и затрудняющим интеграцию мигрантов в сельских районах Ростовской области.

*Хубулова С.А.
Владикавказ*

ЖЕНЩИНЫ ОСЕТИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ
(№ 05-01-37102 а/Ю).*

Среди многих аспектов исторической науки пока не нашлось достойного места гендерным проблемам. Современная трансформация положения женщины в обществе вызывает потребность переосмысления традиционных взглядов на ее природу.

Объектом пристального внимания специалистов должны стать проблемы участия женщин в общественно-политической и экономической жизни страны на разных этапах ее истории. Северокавказский регион особо выделяется в этой связи. Исторически сложилось так, что веками женщина-горянка была ограничена рамками дома, семьи и не принимала участия в общественной жизни. Хотя культ женщины в жизни народов Кавказа был высок, но на бытовом уровне все складывалось не в ее пользу. Домашняя работа женщины расценивалась мужчинами как обяза-

тельная и естественная, социальный статус был низкий.

Ситуация начала меняться в связи с проникновением капиталистических отношений в горский аул. Капитализм, размывая патриархальную рутину, вовлекал в общественное производство, политическую и культурную жизнь и женщин. Последние все чаще отрывались от семьи и отправлялись в город или соседние сельскохозяйственные районы на заработки, нередко становясь кормилицами больших семей.

Качественно новый этап в меняющемся статусе кавказских женщин наступил в связи с большевистской идеей «раскрепощения горянок». Местные власти отчетливо понимали роль женщин в революционных подвижках. В грядущей перестройке всей общественной системы нужна была мощная опора, которую, среди прочих, они искали в женщинах. Большевики были очень заинтересованы в том, чтобы вырвать женщин-горянок из-под влияния местного духовенства и стариков-традиционалистов. Многочисленные женские клубы, школы для девушек, мастерские должны были сыграть в этом большую роль. Различного рода кампании («Долой позорный калым!», «Пальто – горянке!») также призваны были вовлечь женщин в строительство «светлого коммунистического будущего». Изменения, произошедшие в этот период, заложили основу будущей социальной политики советского государства.

Изучение женского пространства в первые годы советской власти представляется весьма перспективным.

*Хубулова Э.В.
Владикавказ*

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Долгие годы содержание образования, его организация в нашей стране были направлены на формирование интернационального сознания, понимаемого как безнациональное. При этом игнорировалось гуманитарное знание, которое имеет свое национальное лицо.

За каждой из причин межнациональных конфликтов в России, в том числе на Кавказе, просматривается отсутствие подлинной культуры межнационального общения. Большую долю ответственности за сложившееся положение несет система народного образования и воспитания, виновная в том, что осмысление молодежью процессов национального самосознания и национального возрождения происходит не на основе понимания общечеловеческих ценностей, а под влиянием коллизий в сфере этнонациональных отношений, которые в последнее время приобретают драматический и даже трагический характер. Происходила дискредитация понятия интер-

национализма, который насаждался как официальная идеология, подавляющая национальное. Поэтому не удивительно, что до сих пор у молодежи не сформировалась потребность в получении информации об истории, культуре и обычаях других народов, в том числе и соседей по региону (достаточно проанализировать ряд учебных пособий по истории ряда народов Кавказа).

На современном этапе становления национальных систем образования возникает необходимость обеспечения единого подхода к их формированию и развитию, исходя из того, что каждая из них как органическая часть общероссийской образовательной системы должна гарантировать достижение одного и того же уровня образования, воспитания и развития в плане морально-этическом, интеллектуальном при обеспечении учета национально-самобытных особенностей всех народов РФ.

Нынешнее пробуждение интереса молодежи к культуре других народов связано с более глубоким познанием среды обитания других наций, их культурными, ментальными особенностями.

Многообразие культурных, в том числе и в сфере образования, проявлений способствуют рождению у учащихся Северо-Кавказского региона взаимного интереса, толерантности отношений.

*Цатуров В.Н.
Махачкала*

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДАГЕСТАНА

Процесс трансформации социокультурного мирового пространства – новая веха времени. Многие страны и сообщества занимают новые примирительные позиции, меняется ориентация разных этносов и групп, формируются новые субъекты и формы международных отношений. Сегодня очень актуален вопрос об интеграции сфер контактов и формировании поливариантных пространств взаимодействия субъектов. Одним из них выступает мировое образовательное пространство, т.к. образование в этом плане выступает наиболее пластичной формой организации взаимодействия.

Дагестан как уникальный полиэтничный и поликультурный социум ставит особые проблемы для выработки целостной концепции развития национальной школы. Разнородная среда Кавказского региона – это зона повышенной социально-этнической напряженности из-за ее демографических и геополитических обострений. На основе дагестанского культурно-исторического опыта, исходя из концепции толерантности и культуры мира, используя их в русле полидисциплинарного подхода, в нашей системе работы мы

учитывали тип школы, состав школьников, особенности окружающей среды.

Гармонизация развития личности может достигаться сочетанием трех ведущих уровней ее идентификации и освоения окружающего мира: антропологического, этнологического и гуманистического. Данный интегрированный подход реализуется в этногуманистической парадигме, учитывающей реальную поливариантность всех процессов жизнедеятельности и образования детей в Дагестане, на Кавказе, в России и мире. Сущность парадигмы раскрывается в «принципе матрешки», по которому разработана многослойная модель формирования жизненной позиции школьников. Первым служит этнокультурный пласт. Вторым пласт составляет российская культура. Третьим является мировая культура.

Воспитание толерантной личности и приобщение школьников к культуре мира – высокая цель, актуальная в современном мире. Прямое средство на пути ее реализации видится в развитии национальной школы через поликультурное образование. Поликультурная школа диалога культур и контактов цивилизаций демократизирует образование и создает пространство свободного выбора для гармонизации развития личности.

*Червоная С.М.
Москва*

ВАХХАБИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ: РАЗЛИЧИЯ, СОВПАДЕНИЯ, КОНТАКТЫ

Доклад содержит компаративное сопоставление ваххабизма (современных радикальных, ригористических течений в исламе) в контексте различных этнополитических ситуаций, сложившихся в тюрко-мусульманских регионах Северного Кавказа (прежде всего, в Карачае, Балкарии и Ногайской степи, где автором был проведен ряд комплексных научных экспедиций по программе «Тюркский мир Юга России: основные параметры этнокультурной общности и дифференциации») и среди крымских татар в Крыму (на основе материала полевых исследований 1996–1999 и 2003–2004 гг.).

Общность ваххабизма в Крыму и на Северном Кавказе определяется идеологической программой категоричного «анти-лаицизма», факторами «протеста», «недовольства» устройством тех обществ, в каких оказались бывшие «советские мусульмане»; пуританской системой нравственного максимализма, остротой полемического вызова традиционному суннитскому исламу, конкретной интерпретацией веры (бины), элементов культа и обрядности, внешними формами поведения, одежды, общения с «другими» и между собой кавказских и крымских «ваххабитов». Масштабы распространения ваххабизма в Крыму и на Кавказе примерно одинаковы – почти мизер-

ны по отношению к общей численности населения и весьма значительны, если принять во внимание динамику роста этого явления и вовлечения в него активной части сельской и городской молодежи.

Однако действия и, главное, последствия действий ваххабитов на Северном Кавказе и в Крыму оказываются различными. Кавказский ваххабизм с почти неизбежной закономерностью (определяемой прежде всего чеченским синдромом) обретает жесткое конфликтное политическое направление. Ваххабизм в Крыму не только не иницирует какие бы то ни было насильственные действия и вооруженные конфликты, но упорно прокладывает себе дорогу «мирным путем», ограничиваясь демонстрацией собственного примера «праведной жизни» и «правильной веры». При этом социальная фрустрация еще не обустроенного в Крыму татарского населения становится почвой для все более возрастающих симпатий к тем образцам общего равенства в бедности, какие предлагают ваххабиты. В Крыму развитие ваххабизма чревато сильнейшей опасностью раскола крымско-татарского народа и крымско-татарского национального и правозащитного движения, занявшего (в лице Меджлиса) позицию резкого осуждения ваххабизма и нетерпимости к его воинствующему ригоризму.

*Чернова Н.А., Борисов Р.В.
Махачкала*

БИЛИНГВИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Существенные социально-экономические и политические изменения оказывают значительное влияние на лингвистическое образование, в котором этнолингводидактический подход является одним из приоритетов.

Мы выделили следующие психологические конструкты билингвизма в межкультурной коммуникации в поликультурном образовательном пространстве: язык потребления информации и язык продуцирования сообщения; язык мышления и язык публичной коммуникации; язык внутренней адаптации и язык внешней адаптации; язык как наше духовное богатство и чужое духовное изобретение; язык релаксации и язык мыслительного напряжения (тревоги); язык субкультуры и язык мезо- и макрокультуры; язык родной (узкого родственного круга общения) и язык неродной (внешнего общения); язык родной вместе с вторым родным (посредником) и язык иностранный; язык семейно-родовой бытовых отношений (связей, этнокультурного применения) и язык деловой, перспективного обучения и науки.

Согласно данной системе конструктов мы по-

лагаем, что к лингвистическому (изучение и использование языка) и информационному (сведения о культуре, этикете, одежде, национальной кухне, языке невербальной коммуникации) компонентам следует добавить психологический компонент модели – необходимость прививать коммуникантам не только опыт поведения и мышления в другой культуре, но и опыт восприятия новой для них социокультурной среды.

При разработке модели диалога в условиях полиэтничности и поликультурности учитывается специфика образовательного социума. Формирование личности ребенка-билингва мыслится как усвоение и в каком-то смысле присвоение продукта культуры различных уровней: от родной (национальной) к общероссийской и через нее – к мировой.

Реальный диалог этнокультур открывает путь к самоидентификации и заставляет задуматься над вопросом: «Кто я есть по отношению к другим этносам, человечеству и окружающему миру?», осознать свою «слитность» с действительностью, в которой живешь.

Речь идет об этнопсихологическом сопровождении процесса обучения второму языку, в котором имеют место пояснения, сопоставительный анализ различных явлений в родном и ином языках, прогнозирование трудностей при обучении социальным сторонам изучаемого языка.

*Чинашвили С.О.
Махачкала*

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В научной литературе, посвященной вопросу проникновения ваххабизма на Северный Кавказ, превалирует мнение о нетрадиционности идей этого учения для данного региона. Основано оно на том, что традиционно на Северном Кавказе исповедуется ислам суннитского толка, религиозно-правовыми школами которого являются два мазхаба – шафиитский и ханифитский. Традиционное распространение в данном регионе имеют суфийские ордена трёх тарикатов – накшбандийского, шазилийского и кадирийского. Ваххабизм же основывается на ханбалитском мазхабе, и сторонников этого течения следует считать «салафитами», сторонниками сунны и джамаата.

Однако абстрагируясь от внутриконфессиональных различий, следует признать, что идеи «кавказского ваххабизма»: очищение ислама от новшеств (*бид'а*, – ед.ч., арабск.), возвращение к нравам времен пророка Мухаммеда, жизнь по законам шариата и самое главное джихад против «неверных» и тех из мусульман, кто им подчиняется, – имеют исторические корни в движении, именуемом в исторической литературе термином «кавказский мюридизм» (наибский мюридизм).

На Кавказе, впервые схожие идеи стал проповедовать Шейх Мансур (Ушурма) в конце XVIII в. Проповедь этого шейха сводилась к трем пунктам: возврат к чистому исламу времен пророка, жизнь по законам шариата и газават против «неверных». Спустя годы, в 1825 г. эти идеи стал проповедовать первый «официальный» нахшбандийский шейх Магомед Ярагский. Его ученики, имамы Гази-Магомед, Гамзат-бек и Шамиль, основываясь на идеях Ярагского, вели газават против России на протяжении 30 лет.

Таким образом, идеология «ваххабизма» имеет глубокие исторические корни на Северном Кавказе, что делает её очень опасной, так как последователи данного течения исламского фундаментализма обращаются к исторической памяти народов Кавказа. До настоящего времени проповедь джихада имела очень ограниченный успех среди населения, однако изменяющиеся исторические, политические, экономические условия могут способствовать более широкому распространению фундаменталистских идей.

*Эфендиева Д.А.
Махачкала*

НЕОВАХХАБИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: СТЕПЕНЬ РАДИКАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ЭКСТРЕМИЗМОМ

Изменение геополитического положения Северного Кавказа в результате распада СССР привело к повышенному вниманию к региону многих зарубежных государств. Геостратегические и природные особенности Кавказа делают его в современных условиях одним из центров мировой политики, что вызвано перспективами зоны Каспия как важнейшего нефтедобывающего района планеты.

К концу 90-х гг. XX в. проблема ваххабизма затронула почти все республики Северного Кавказа, особенно Дагестан и Чечню. Изменение ситуации с неоваххабизмом в северокавказском регионе после событий августа-сентября 1999 г. в Дагестане и антитеррористической кампании в Чечне выражается в радикализации данного движения. Проведенный в 2004 г. социологический опрос респондентов в Дагестане и в республиках Северного Кавказа в рамках исследования по проекту «Неоваххабизм на Северном Кавказе: реалии и перспективы урегулирования» показал, что большинство опрошенных видит основные изменения в деятельности ваххабитов в начале

XXI в. в переходе от открытых военных действий бандформирований к организации террористических актов, активизации работы по вовлечению новых членов в ряды ваххабитов. Это свидетельствует, что адепты ваххабизма в конце XX – начале XXI вв. на Северном Кавказе перешли на радикальные позиции не только в идеологической сфере, но и в своей практической деятельности.

Учитывая реальную опасность для стабильного развития республик Северного Кавказа необходима выработка мер по противодействию религиозному экстремизму, по вопросу о методах борьбы с которым существуют различные мнения.

*Ярлыкпиев А.А.
Москва*

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ: ВАХХАБИЗМ И ИСЛАМСКИЕ ОБЩИНЫ

Ислам в Кабардино-Балкарии имеет два сильных оформленных центра: официальное Духовное управление и общины, группирующиеся вокруг Мусы Мукожева (бывший Исламский центр, сегодня – Кабардино-Балкарский институт исламских исследований). В 1990-е гг., когда встала реальная угроза распространения ваххабизма среди молодежи, эти два центра совершенно по-разному отреагировали на нее. Духовное управление, опираясь на свое положение официальной религиозной структуры, стало проводить политику подавления всякой оппозиционной деятельности с привлечением силовых структур. Часто эта деятельность принимала парадоксальным образом антиисламскую направленность: закрытие мечетей, мектебов и медресе, прикрываемое авторитетом лояльных мулл и имамов. Предпринималась беспрецедентная поддержка безграмотных имамов, представлявших так называемый «традиционный» ислам, сопровождавшаяся гонениями на лидеров «новых» мусульман. Сами же «новые» мусульмане предпринимали конкретные и весьма действенные шаги по недопущению проникновения экстремистских идей в среду молодежи. Они взяли под контроль большинство балкарских и кабардинских общин, проводили разъяснительную и образовательную работу, вели активную проповедническую деятельность. Все эти меры привели к заметным результатам: основную массу молодежи удалось удержать от экстремистских действий. Таким образом, неофициальные мусульманские лидеры Кабардино-Балкарии доказали свою способность контролировать ситуацию в своих общинах и действительно бороться с ваххабизмом.